

СУФФИКСАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ
В ТОПОНИМИИ ПРИСВИРЬЯ*

Суффиксация — один из наиболее распространенных способов словообразования в русской топонимии. В Присвирье (т. е. на территории бассейна реки Свири) набор суффиксальных топонимных моделей достаточно обширен, однако их активность существенно различается. Это обусловлено как спецификой функционирования, так и хронологическими и территориальными рамками бытования определенных моделей. В самом деле, в Присвирье, к примеру, слабо представлены топоформанты, свойственные древнерусской топонимии (-*ъь*, -*ьлја*), что вполне соотносится с историей русского освоения Присвирья. Впрочем, определенные древнерусские модели достигли западных пределов Присвирья. Среди них -*гость* / -*гощъ*¹, свойственная трионимии ранних словен юго-западного Приильменя: на нижней Ояты *Милогость* руч. на средней Паше *Омигость* или *Онегость* ур. *Вяргость* р., в устье Свири *Рудогощъ* р. В западном Присвирье располагается и ареал ойкояимов с имеющим древнерусские истоки формантом -*ичи* / -*ицы* (*Вачукиницы*, *Имоченицы*, *Коковичи* и др.). Обе модели для присвирской топонимии являются историческими, утратившими свою продуктивность уже столетия назад. В то же время, некоторые из суффиксальных моделей — такие, как -*щина* (*Алеховщина*) или -*ица* (*Данилица*) — для топонимии Присвирья относительно новы, и вряд ли соприкоснулись в качестве живых аффиксов в одном хронологическом срезе -*ичи* / -*ицы* и -*гость* / -*гощъ*.

В данной статье предлагается обзор суффиксальных моделей с указанием специфики функционирования в определенных разрядах топонимов Присвирья. Выявляются также ареалы моделей и причины их формирования.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 95-06-17496)

¹ Микляев А. М. О топо- и гидронимах с элементом -*гост* / -*гощ* на Северо-Западе СССР: К проблеме восточнославянского расселения // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 25–46.

© И. И. Муллонен, 1999

-ЩИНА

Формант -*щина*, безусловно, наиболее продуктивен в русской топонимии Присвирья. Число образований с ним на порядок выше, чем с другими суффиксами. Он присоединяется преимущественно к антропонимным основам и функционирует в названиях сельскохозяйственных угодий, лесных урочищ, деревень: *Алеховщина* пл., *Зотовщина* д., *Макаровщина* д., *Орловщина* ур., *Рочевщина* пл., *Тимоньевщина* ур., *Харитоновщина* д., *Царевщина* д., *Шуковщина* д. Волх.; *Батьковщина* хут., *Громовщина* пк., *Исаковщина* пл., *Марковщина* ур., *Мишуковщина* пл. Тихв.; *Адамовщина* д., *Алеховщина* д., *Беляевщина* пк., *Борисовщина* пк., *Быковщина* пк., *Гришевщина* пл., *Ивановщина* пл., *Корсаковщина* д., *Патрушовщина* пл., *Смольковщина* пк., *Телеговщина* д., *Яровщина* д. Лод.; *Аверковщина* пл., *Грибановщина* д., *Дарьевщина* пл., *Кисляковщина* пл., *Кошковщина* ур., *Локтевщина* пк., *Сергеевщина* пк., *Титоновщина* ур., *Щеголевщина* пл. Подп.; *Баклановщина* пл., *Гордеевщина* д., *Диковщина* ур., *Коргуевщина* д., *Косяковщина* пк., *Красковщина* пл., *Мурашовщина* пл., *Огурцовщина* пк., *Рябиновщина* пк., *Фомичевщина* пк. Прион.

Из примеров явствует, что в основе топонимов данной модели лежит антропоним — имя, фамилия (*Жуковщина* < *Жуков*, *Пономаревщина* < *Пономарев*), прозвище владельца земельного участка, основателя или жителя малодворной деревни, хутора, выселка.

Некоторые образования носят вторичный характер, на что указывают параллельно существующие варианты: ср. *Калачевщина* — *Калачева* д., *Булатовщина* — *Булатовский* пк. Лод., *Коргуевщина* — *Коргуева* — *Коргуевская* д. Прион. В топонимах *Голошевщина* пл. (< *Голошева* д.), *Карьяновщина* пк. (< *Карьянов ручей*) Лод., *Альковщина* пл. (< *Альковская* д.) Прион. и др. С помощью форманта -*щина* строятся оттопонимные образования. Отмеченные особенности, равно как и способность образовывать топонимы от неантропонимных основ (*Шоломщина* ур. Тихв.) — вызваны, очевидно, значительной продуктивностью модели.

Добавим, что модель проникла в Присвирье в вепское топонимобразование, получив там популярность в агроонимах, т. е. названиях сельхозугодий: *Teroušin*, *Fedoroušin*, *Timukoušin*, *Pehoušin*. Продуктивность суффикса в вепской топонимии, способность к образованию топонимов от вепских антропонимов свидетельствует о том, что формант, усвоенный из русского вепским топонимом,

мообразованием, приобрел в нем статус популярного топонимного суффикса².

Анализ разновременных письменных и архивных источников позволяет говорить о росте продуктивности модели *-щина* в Присвирье на протяжении последних столетий. В самом деле, на обширной территории Новгородских пятин XV–XVI вв. она не обладала особой известностью и уступала в продуктивности большинству из известных на северо-западе суффиксальных моделей. По подсчетам С. А. Полковниковой, в материалах Новгородских писцовых книг по всем пяти пятинам всего 27 топонимов на *-щина* (*-овщина*), в то время как образований на *-иха* — 260, на *-ица* — 160, на *-ичи* — 120, на *-на / -ня* — 80, на *-ище* — 60 и т. д.³ В конце XVI в. на территории Заонежских погостов, т. е. в северо-восточной части Обонежской пятины, фиксируется, по данным писцовых книг (КЗПОП), уже 34 топонима на *-щина*, при этом они сосредоточены в Присвирье и Заонежье. Материалы Генерального межевания рубежа XVIII–XIX вв. приводят примерно такое же количество образований, но применительно к значительно более узкой территории южного Присвирья. Тенденция роста продуктивности модели *-щина* сопровождается и определенным расширением ареала ее бытования. Писцовые книги XVI в. не отмечают ее в юго-восточном Обонежье — на Андоме, Вытегре, Оште, Мегре (здесь фиксируется всего один ойконим — пустошь *Бердуновщина* — КЗПОП, с. 293). Однако архивные данные начала XX в. и современные полевые материалы содержат определенное число названий на *-щина* в юго-восточном Обонежье. Последние обнаруживаются в незначительном количестве и к юго-востоку и к югу от Присвирья — на Колошме и Лиди. Однако вепсская топонимия в этом ареале — в Шимозерье, Белозерье, верховьях Лиди — свидетельствуют в пользу отсутствия (или малопродуктивности) модели *-щина* в прошлом. В то время как в топонимии присвирских и прионежских вепсов модель *-sin* (< рус. *-щина*) чрезвычайно распространена, у южных и восточных она отсутствует полностью, отражая былую ситуацию на смежной русской территории.

Последнее обстоятельство — непродуктивность модели за юго-

² Муллонен И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994. С. 16, 21.

³ Полковникова С. А. Географические названия новгородских писцовых книг XV–XVI вв.: Однокоренные названия с разными суффиксами // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. М., 1970. № 353. С. 469–504.

восточными пределами Присвирья — оказывается достаточно важным, когда выявляется ареальная характеристика образований с формантом *-щина* в Присвирье. Будучи широко представленными на большей части Присвирья, они отсутствуют в его самом юго-восточном углу — на верхней Паше с притоками Явосьмой, Тутокой, Ретешей. В этом смысле верхняя Паша — своего рода северо-западная окраина более обширного юго-восточного ареала, характеризующегося отсутствием *-щина*.

К сожалению, отсутствие полноценного топонимического материала по Новгородской и юго-западу Ленинградской области не дает возможности проследить истоки и причины (местные или привнесенные?) исключительной продуктивности суффиксальной модели *-щина* в Присвирье. Непроницаемость же для модели верховий Паши позволяет предполагать вхождение этой территории в зону распространения инноваций с юго-востока (из Белозерья?).

-ИЦА / -ЕЦ

Формант широко используется в названиях сельхозугодий, участков рельефа местности, иногда в гидронимах, однако совершенно несвойствен ойконимам. В редких случаях присоединяется к непроизводной основе: *Гнилица* гр., *Стрелица* пл. (если не апеллятив с суффиксом *-ица*, ср. в псковских летописях *стрелица* 'узкий, длинный мыс, коса'⁴), *Тяглица* бол. Тихв.; *Кобылицы* бол., *Мокрица* пк. Лод. Формант более обычен в сочетании с производной основой: *Горбоватица* пл. Волх.; *Березовица* пк., *Вышница* пк., *Ключеватица* пк., *Песчаница* ур. Тихв.; *Котельница* ур., *Моховатица* ур. Подп. В большинстве случаев суффикс *-ица* присоединяется к основе с качественной семантикой: *Ляговицы* ур., *Нутреницы* пк. Волх.; *Березовица* пк., *Горбатица* пк., *Гороховица* пк., *Грузовица* пк. (*груз* 'груздь' СРГК), *Гуселицы* пк. (*гусель* 'плесень, гниль' СРНГ), *Задница* пк., *Осиновицы* пк., *Ржавица* бол., *Ушовицы* ур. (*ушь* 'вид чертополоха' Фасмер) Тихв.; *Круглица* пк. Лод.; *Еловица* пк., *Мятленица* пл. (*мятлик*, *мятлица* 'растение' СРНГ) Подп.

Суффикс *-ец*, выступающий в целом ряде микротопонимов Присвирья, очевидно, тождествен *-ица* и представляет собой его муж-

⁴ Денисенко Ю. Ф. К реконструкции лексической системы псковских говоров средневековья (ороним *стрелица*) // Севернорусские говоры / Отв. ред. Н. А. Мещерский. Л., 1975. Вып. 2. С. 119–130.

ской вариант: *Мокрец* ур., *Ржавец* руч., *Смольнец* ур., *Соколец* пк., *Студенец* руч., *Талец* (с вариантом *Талица*) руч. Тихв.; *Ольховец* пор., *Студенец* пл. Лод.; *Березовец* пор., *Кривей* пор., руч., *Сиговец* пор., *Сосновец* ур. Подп.

В единичных случаях *-ица* / *-ец* присоединяется к прибалтийско-финской основе: *Розменица* пк. (*rozme* 'ржавчина на воде'), *Мегренец* руч. Подп.; *Мягрица* ур. (*mägr* 'барсук') Волх., подтверждающая функционирование форманта в Присвирье в качестве готовой модели для образования топонимов без сохранения изначально свойственного ему четкого деминутивного значения.

Продуктивность форманта *неодинакова* на разных участках Присвирья. Он очень популярен на Паше, особенно в южной части бассейна, севернее же продуктивность его резко падает. Он мало известен на Ояти, а на собственно Свири представлен преимущественно названиями речных порогов, перекатов, островов. *Ареальная* характеристика несет, очевидно, определенную историческую нагрузку, поскольку южное Присвирье (= Паша) в плане продуктивности модели *-ица* примыкает к расположенным южнее бассейнам Сяси и Тихвинки, составляя своего рода единый ареал.

В южном Присвирье известен также речной формант *-ица*, который отличается своей спецификой на фоне микротопонимного суффикса, оформляя преимущественно иноязычные основы. Формант *-ица* обнаруживается в следующих потамонимах бассейна Свири: *Ейновица* (с вариантом *Ейна*), *Логовица*, *Пагодрица*, *Палуйца* (с вариантом *Палуя*), *Пялица*, *Сарица*, *Свирица*, *Ульяница*, *Урьица* (с вариантом *Урья*), *Хмелица*. Изначальная деминутивная функция «речного» суффикса просматривается лишь в *Свирица* (< Свирь), в остальных же названиях суффикс выступает в качестве формального элемента, вводящего искомый топоним в класс подобных русских потамонимов. В рамках данного процесса происходит и освоение иноязычного топонима русским языком. Иноязычная основа просматривается в большинстве названий приведенного выше списка: *Сарица*, ср. вепс. **sara* 'небольшая река; приток более крупной реки'⁵; *Ульяница* ср. вепс. оригинал *Üländjogī* или *Üländehjogī* 'верхняя река'; *Палуйца*, *Палуя* < вепс. **paloja* (*palo* 'огнище, сожженная подсека', -*oja* 'ручей'); *Урьица*, *Урьяср.* вепс. иги 'русло, яма, углубление'; *Ейновица*, *Ейница*, *Ейна* <

⁵ Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988. С. 28, 96.

вепс. *heip* 'сено'; *Пялица* ср. употребление субстратной основы в целом ряде гидронимов на территории российского северо-запада (*Пялозеро*, р. *Пяла*, *Пелоозеро* и др.).

Потамонимы на *-ица* четко концентрируются в южной части бассейна Свири. За исключением *Хмелицы*, являющейся южным притоком Ояти и расположенной на границе бассейна Ояти и бассейна Паши, все остальные реки входят в бассейн Паши, тяготея при этом к ее верхнему течению. Именно здесь находим названия рек *Ейновица*, *Урьица*, *Палуйца*, *Пялица*. *Ульяница*, к которым можно добавить названия ручьев *Паловец* и *Витуйец* (с вариантом *Витуй*), образованные от иноязычных основ с помощью *-ец* (мужской вариант *-ица*).

Формант *-ица*, исключительно продуктивен в гидронимии на восточнославянской территории, в том числе в окрестностях Новгорода⁶. Надо полагать, что модель продвигается на восток вместе с древним новгородским освоением. Во всяком случае она представлена, судя по спискам Д. Ф. Шанько⁷, в бассейнах рек Мсты, Сяси, Мологи, Суды и далее в Белозерье, т.е. к югу и юго-востоку от границ Присвирья, где образует потамонимы от славянских основ типа *Гоголица*, *Деготница*, *Камешница*, *Катица*, *Межница*, *Мошница*, *Ситица*, *Талица*, *Язница* и др. Производные от иноязычных основ (типа *Пярдомец*) единичны и относятся к территории бассейна Сяси. Гидронимы на *-ица* известны также в восточном и северо-восточном Обонежье, т.е. за восточными и северо-восточными границами Присвирья. При этом здесь преобладают производные от неславянских основ: *Шалица*, *Тамбица* (дважды), *Возрица*, *Нулица*, *Уница*, *Сапеница*. Складывается впечатление, что гидронимный ареал *-ица* обошел Присвирье с юга и востока, захватив лишь самые южные его пределы — Пашу, и не распространился севернее, на Оять и Свирь. В центре ареала суффикс оформляет славянские основы, а на окраинах — в восточном Обонежье, на верхней Паше — используется для адаптации иноязычных потамонимов. Видимо, речные наименования на *-ица* помечают путь новгородского продвижения на восток и северо-восток в обход Присвирья, известный и по другим диалектным свидетельствам. Отсюда не следует, что гидронимы названного типа восходят к од-

⁶ Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989. С. 103.

⁷ Шанько Д. Ф. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.

ному хронологическому срезу: образования от субстратных основ вторичны. В бассейне Паши **потамонимная** модель на *-ица* не настолько продуктивна, чтобы можно было с уверенностью говорить об изначальном вхождении этой территории в древний новгородский ареал речных наименований с формантом *-ица*. Однако если Паша и не входила в этот ареал, то она, безусловно, испытала воздействие, проникшее из расположенного южнее и юго-восточнее региона и выразившееся, в частности, в использовании потамонимной модели *-ица*, не известной севернее, на Ояти и Свири.

-КА / -ИК(-НИК) / -ОК

Чрезвычайно продуктивный в топонимии **деминутивный** суффикс *-ка* представлен в русской топонимии Присвирья многими сотнями примеров. Он обычен в названиях рек, наименованиях сельхозугодий, известен и в качестве ойконимного форманта. При этом изначальное деминутивное значение для **потамонимов** чаще всего неактуально. Наглядным примером могут служить речные наименования, в которых *-ка* используется для славизации иноязычных названий: *Паешка, Сарка* (= *Сарожка*), *Корбойка, Вадожка, Рыбезжка, Яеремка, Вилижска, Муромка, Каномка*. Деминутивная семантика просматривается лишь при существовании пар потамонимов типа *Пидьма* и рядом меньшая размерами *Пидемка, Лублога* и ее приток *Малая Лубложска, Шадьма* с притоком *Шадемка*. В ряде случаев формант присоединяется к осложненной другими производящими суффиксами основе: ср. параллельно существующие варианты **поталонимов** *Шордина* и *Шординка, Аштина* и *Аштинка, Савина* и *Савинка, Остречина* и *Остречинка, Важина* и *Важинка* и др., где основа оформлена суффиксом *-ин*. Присоединение суффикса к осложненной производящей основе, а также употребление двух форм от названий **гидрообъектов** — с *-ка* и без *него* — говорит о довольно позднем закреплении суффикса в перечисленных названиях и о **вторичности** образований с ним.

В микротопонимии деминутивное значение также отступило на задний план, а суффикс выступает в качестве знака топонима, отличающего имя от **апеллятива**. Так следует интерпретировать его в названиях *Борок* пл., *Верховинка* бол., *Мосточек* ур., *Поженки* пк., *Полянка* пк., *Пустошка* ур., *Сопочка* пл., *Щетинка* пк., *Ямка* пк. (*Пяца Тихв.*); *Городок* ур., *Замошек* пл., *Нивочка* пк., *Ямка* пк. (*Алеховщина* Лод.).

Такова же функция форманта в немногочисленных ойконимах юго-западного Присвирья, в среднем течении Паши: *Горка, Городок, Коптиловка, Медвежка, Новинка, Островок, Песчанка, Середка, Шемилловка*. Столь, казалось бы, обычная для ойконимии модель имеет в Присвирье чрезвычайно ограниченный островной ареал распространения и привлекает к себе внимание своей необычностью на фоне массовых **отантропонимных** образований на *-ово / -ево* (*Лизаново, Леоново*) и *-ино* (*Григино, Макарьино*). Ближайшие аналоги пашским ойконимам на *-ка* расположены за юго-западными пределами бассейна Свири, откуда, видимо, распространились и в западное Присвирье.

На микротопонимном срезе, как и в потамонимах, формант применяется как некий адаптатор, облегчающий вхождение иноязычных топонимов в русскую топонимическую систему Присвирья, ср. названия полей *Кайдушки, Кангушка, Коверашки, Коккушка, Копушки* (Чикозеро Подп.).

В целом (если не считать отмеченного островка ойконимов) у суффикса *-ка* нет своего ареала в Присвирье. Он достаточно равномерно представлен на всей территории.

Суффикс *-ик*, который принято считать мужским вариантом *-ка*⁸, в действительности обладает существенной спецификой. Он образует топонимы-существительные от основ прилагательных, и деминутивное значение его чаще всего затемнено. Суффикс особенно продуктивен в названиях ручьев и сенокосов: *Грязникруч., Каменник руч., Коневик руч., Липовик пк., Смоленник бол., Тесовик бол., Холодник омут Волх.; Барановик* (с вариантом *Барановка*) *руч., Воротникруч., Железник* (с вариантом *Железный*) *руч., Ивовик руч., Крутик* (с вариантом *Крутой*) *руч., Песчаник руч., Ржавик пк., Рудяник пк., Сомовик оз., Холодник род. Тихв.; Боровик оз., Водликов бол., Глазник руч., Ольховик оз., Столбовики пд., Телятник руч. Лод.; Глинянник ур., Межовик бол. Подп.*

Основной ареал распространения модели *-ик* — бассейн Паши, т.е. южная часть Присвирья. На Ояти и в бассейне собственно Свири она встречается значительно реже. При этом на Паше наблюдается своеобразная закономерность в распределении функций формантов *-ица* и *-ик*, которые используют одни и те же основы, но с несколько разным результатом. Если модель *-ица* представлена

⁸Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 94.

во многочисленных названиях сельхозугодий, болот, лесных урочищ (*Березовица, Круглица, Песчаница, Железница, Ржавица*), то тип *-ик* в этом же ареале фигурирует прежде всего в названиях ручьев (*Березовик, Круглик, Песчаник, Железник, Ржавик*). Модель же *-ец* (мужской вариант *-ица*) ограничена в названиях ручьев лишь несколькими примерами. Противоположная ситуация на собственно Свири, где среди скупо представленных суффиксальных названий ручьев превалируют образования с *-ец* (*Березовец, Ржавец*), в то время как модель на *-ик* практически неизвестна. На нижней Ояте известны единичные случаи употребления в гидронимах обоих формантов.

Таким образом, если суффиксальная модель *-ка* не имеет в Присвирье четко выраженного ареала, то топонимы с формантом *-ик* отдают явное предпочтение южным районам Присвирья — бассейну Паши (включая Капшу). При этом они используются здесь в той функции, в которой в северном Присвирье — на собственно Свири — бытует модель с суффиксом *-ец*. Это еще одно из проявлений своеобразной ареальной дистрибуции суффиксальных моделей в Присвирье.

-УХА / -УША

Формант *-уха* не входит в Присвирье в число продуктивных. Он представлен здесь в полусотне топонимов и наиболее характерен для наименований сельхозугодий — полей, покосов, полян. В ойконимии обнаруживаются лишь единичные раритетные образования на *-уха / -уша*, гидронимы же с данным суффиксом чаще всего вторичны. Для суффикса характерно присоединение к основам с качественной семантикой: *Белуха* пк., *Голуха* пл., *Горбуха* пл., *Клочуха* пк., *Кривуха* пк., *Крутуха* гр., *Мостухи* бол., *Плоскуха* пк., *Скочуха* пл. Тихв.; *Грязнуха* пк., *Мерзлуха* пк., *Спорнуха* пл. Лод.; *Водянуха* пк. Подп.; *Кривуха* пор. Прион.

Судя по литературе, для форманта свойственно образование отантропонимных названий⁹. В Присвирье такого рода образования единичны и представляют собой исключение на фоне преобладающих производных с качественным значением: ср. *Киришуха* пл., *Харлуха* пк. Тихв. Формант практически не присоединяется к иноязычным основам. В наших материалах обнаружен лишь один подобный пример: *Пелдуха* или *Пелдоха* пк. (Свирская Слобода Лод.), в основе которого карельское *peldo* 'поле'.

⁹Полковникова С. А. Указ. соч. С. 499.

В одном ряду с топонимами на *-уха* должны рассматриваться и географические имена с концевкой *-уша* (часто в сочетании с показателем множественного числа *-уши*), представляющей собой фонетический вариант *-уха*. Названные форманты способны образовывать имена от одних и тех же основ: ср. *Горбуха* пк. (Николаевщина Волх.) — *Горбуша* пл. (Остров Тихв.), *Высокуха* хут. (Новинка Тихв.) — *Высокуша* пл. (Вяльгино Тихв.) — *Высокуши* гр. (Бор Тихв.), *Кривуха* пор. (Ладва Прион.) — *Кривуши* ур. (Залющик Тихв.) и др. Среди образований на *-уша / -уши* *Долгуши* пл., *Мокруша* пк. Волх.; *Мокруши* пк., *Плоскуша* пк., *Широкуша* пк. Тихв.; *Глубокушаруч.*, *Хохлуша* ур., *Худуша* или *Худоша* ур. Лод. и др.

Концевка *-уши* присутствует в целом ряде субстратных топонимов в русском Присвирье. Среди них многочисленные *Пелдуши* и *Колдуши*, а также *Койзуши* пк., *Колтуши* д., *Чунуши* пк., *Чуруши* пк. Тихв. Вряд ли, однако, перед нами одна из функций форманта *-уша*. Речь в данном случае идет о других генетических истоках, а именно о чрезвычайно продуктивном в прибалтийско-финской топонимии деминутивном суффиксе *-те* с основой *-iž(e)-*: ср. в вепском Присвирье *Konduine* ~ *Konduizenpöud* (pöud 'поле') ~ *Konduized* (мн. ч.) пл., *Suruine* ~ *Suruized* (мн. ч.) пл.¹⁰ Конечный элемент в топонимах *Кондуши*, *Чунуши* и др. в русском Присвирье входил изначально в состав прибалтийско-финского топонима, и речь, таким образом, может идти не более чем о фонетическом совпадении с русским суффиксом *-уша / -уши*.

Что касается географической характеристики, то активность суффиксальной модели *-уха / -уши*, в целом незначительная в регионе Присвирья, заметно убывает по мере продвижения с Паши и Капши на север — Оять и Свирь.

-ИХА

Формант *-ада*, в целом малопродуктивный в Присвирье (всего около трех десятков топонимов), оформляет почти исключительно антропонимные основы: *Данилиха* пк., *Крысаница* пк., *Ульяшица* пл. Волх.; *Бароница* пл. (принадлежало *Бароновым*), *Платоница* пк., *Якуница* пк. Тихв.; *Бараница* ур., *Конашица* пк., *Макарица* пор., *Матвейца* пк., *Фешеица* или *Фешица* хут. Лод. Образова-

¹⁰Муллонен И. Очерки вепской топонимии. С. 20.

ния от апеллятивных основ единичны: *Оголица* пк. (Бор Тихв.), *Опалиха* руч. (Яровщина Лод.), *Крутиха* гр. (Мятусово Подп.).

Считается, что формант *-иха* не был изначально свойствен топонимии новгородских земель, он распространился там после присоединения Новгорода к Москве¹¹. Русская топонимия Присвирья указывает на то, что на окраинах бывших новгородских владений он так и не стал продуктивным топоформантом. Это подтверждается и топонимией Обонежья, где названия на *-иха* редки.

При общей малопродуктивности модели образований на *-иха* все-таки несколько больше в юго-западном Присвирье — на Паше и нижней Капше. На Ояти и собственно Свири обнаруживаются лишь единичные разрозненные примеры.

-ИЧИ / -ИЦЫ

В славянской ономастике общепризнаны праславянские истоки и общеславянская сущность ойконимной модели на *-ичи* (<* *-itji*). Считается, что топонимы на **-itji* совпадают с ареалом распространения восточнославянских племен, а расширение ареала свидетельствует об освоении земель восточными славянами. Изначально они присваивались родовым сельским поселениям, и в основе их лежали патронимы¹². Каковы же особенности функционирования этой имеющей славянские истоки модели на далекой северо-западной окраине ареала?

В Присвирье модель *-ичи / -ицы* (существование двух фонетических вариантов обусловлено реликтами цоканья, сохранившимися в говорах после перехода к различению *ц* и *ч*¹³) распространена неравномерно. Массив ее сосредоточен в нижнем течении Ояти, по мере удаления от этого ядра на север, восток и юг активность модели заметно падает. Восточная граница ареала проходит в верховьях Ояти и Капши, южная — по линии, отделяющей бассейн Ояти и Капши от Паши. Надо полагать, что в Присвирье модель ойконимов на *-ичи / -ицы* продвинулась из Поволховья. Она документально засвидетельствована на Ояти, во всяком случае, уже в XIII в. в приписке к Уставу Святослава Ольговича, где зафиксиро-

¹¹ Никонов В. А. Белое пятно на карте // Лексика и фразеология севернорусских говоров / Отв. ред. Ю. И. Чайкина. Вологда, 1980. С. 149.

¹² Купчинский О. А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // Славянские древности: Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980.

¹³ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949. С. 134.

ваны топонимы «в Тервиничех» (совр. *Тервиничи*) и «у Вьнице» (совр. *Винницы*).

На фоне традиционной славянской ойконимии с суффиксом *-ичи / -ицы*, а также распространенной в более западных бывших новгородских местах, присвирская обладает безусловной спецификой, ибо названий типа *Ершиничи*, *Липовичи*, *Федотовичи*, в которых формант присоединяется к русской основе, буквально единичны. Абсолютное большинство ойконимов данной модели имеют нерусскую основу: *Имоченицы*, *Вачужиничи*, *Уштовичи*, *Рекуничи*, *Мириничи*, *Куневичи*, *Гуреничи*, *Герпиничи*, *Веченицы*, *Шангеничи*, *Шутиничи*, *Шириничи*, *Чимжиничи*, *Погаченицы*, *Согиничи* и др. Нам приходилось уже писать о том, что в Присвирье, а также в восточном Приладожье и в Заонежье данная модель использовалась прежде всего для адаптации древних прибалтийско-финских ойконимов с суффиксом *-l(a)*: *Reboil* > *Ребовичи*, **Нимаґал* > *Имоченицы*¹⁴. Здесь же обратим внимание на то, что южная граница бытования ойконимов на *-ичи / -ицы* в Присвирье четко отделяет Оять и Капшу от Паши. И это при том, что прибалтийско-финская ойконимия, послужившая на Ояти основанием для использования адаптационного типа *-ичи / -ицы*, известна и на Паше. Показательно, что отмеченная топонимная граница совпадает с диалектной, разделяющей единую Ладого-Тихвинскую диалектную зону на два микроареала и проходящей с низовой Паши на Кондегу и Капшу¹⁵. В свою очередь, восточная граница ойконимов на *-ичи / -ицы* в Присвирье накладывается на границу ладого-тихвинских и обонежских диалектов.

-ОВ / -ЕВ, -ИВ

Суффиксы с притяжательным значением чрезвычайно продуктивны в Присвирье в ойконимах и микропонимах: *Богданов хутор*, *Вазрушево д.*, *Демьяново пк.*, *Жидово пк.*, *Исачковы покосы*, *Коськово д.*, *Кириковы покосы*, *Козлово ур.*, *Луково д.*, *Обросово хут.*, *Пастухово пк.*, *Рыжиково пк.*, *Сундуков ручей*, *Шумково ур.* (Пяхта Тихв.); *Алексины покосы*, *Барановы поля*, *Вязикина пожня*,

¹⁴ Муллоев И. И. Об одной древнерусской ойконимной модели в Присвирье и Обонежье // Язык: История и современность / Отв. ред. В. В. Богданов. СПб., 1996. С. 109-120.

¹⁵ Герд А. С. К исторической географии Приладожья // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов / Отв. ред. О. М. Фишман. СПб., 1994. С. 32-33.

Григино пк., Июдина мельница, Карпашино пк., Костина поляна, Лаврушин покос, Павшино хут., Самылино поле (Григино Тихв.). Употребление вышеназванных суффиксов обусловлено их посессивным значением, естественным в названиях небольших деревень, хуторов, выселков, а также сельскохозяйственных угодий. В гидронимах — названиях ручьев, озер, иногда болот — связь с антропонимом чаще всего опосредована или ойконимами, или наименованиями земельных угодий: оз. *Симино* получило свое название по одноименной прибрежной деревне, руч. *Костин* протекает через *Костины пожни* (< фам. *Костин*) (Кидебра Лод.).

Широкое распространение формантов ведет к ослаблению в них посессивной семантики и к употреблению их в названиях в качестве своеобразного знака, метки топонима, в роли готовой модели. Примером могут служить ойконимы в среднем течении Паши, в которых свойственный этому разряду топонимов притяжательный суффикс *-ов/-ев* или *-ин* оформляет прибалтийско-финский оригинал с *-I-*овым формантом, подводя под общую модель ойконимов на *-Обо* или *-ино*: *Ратилово* (< **Ратила*), *Ашперлово*, *Таполово* (с вариантом *Тапола*), *Чаголино*, *Кожлино* (ср. бывший погост *Кожела* на Паше). На топонимическую функцию формантов указывают и следующие примеры: *Вересково* ур., *Горбово* пл., *Дуброво* д., *Клочково* пк. (с вариантом *Клочуха*), *Лембово* ур. (Бор Тихв.), в которых *-ово* оформляет основу с качественной семантикой или иноязычный корень.

-ИНА

Выделяется целая группа топонимов с концовкой *-ина*: *Боровина* лес, *Верховина* бол., *Дербина* пл., *Кромина* пк., *Долгая Лядина* ур., *Паточина* тропа, *Середовина* пк. Волх.; *Верховина* ур., *Коровина* место купания, *Мишарина* ягодник, *Опарина* ур., *Островина* бол., *Угловина* лес, *Чищевина* ур., *Юмарина* место купания Тихв.; *Боровина* лес, *Носовина* пк., *Ржавчина* пк., *Середовина* пк. Лод.; *Кивитина* пк., *Салмина* ур., *Старина* пл. Подп. Приходится, однако, констатировать, что в большинстве случаев суффикс присоединился еще на доономастическом уровне. Перечисленные примеры включают целый ряд перешедших в класс онимов апеллятивов: *боровина* 'хвойный, преимущественно сосновый лес на сухом месте' (СРГК), *верховина* 'возвышенное место, пригорок' (СРНГ), *кромина* 'край, кромка' (СРНГ), *мишарина* 'место, поросшее мхом' (СРНГ), *островина* 'остров' (СРНГ). Концовка *-ина*

оформляет и многие иноязычные основы, ср. известные в русских говорах Карелии *ламбина*, *лахтина*, *куврину*, *кедовина*, *мяндина* и др., что позволяет предполагать в качестве доономастических образований и приведенные выше в ряду топонимов **салмина* (вепс. *salm* 'пролив'), **коровина* (вепс. *кага* 'бухта, залив') и др. Отсутствие четкого ареала, а также значительное число подтверждаемых диалектными словарями лексем на *-ина* заставляют усомниться в онимной функции суффикса в приведенных и подобных им оронимах.

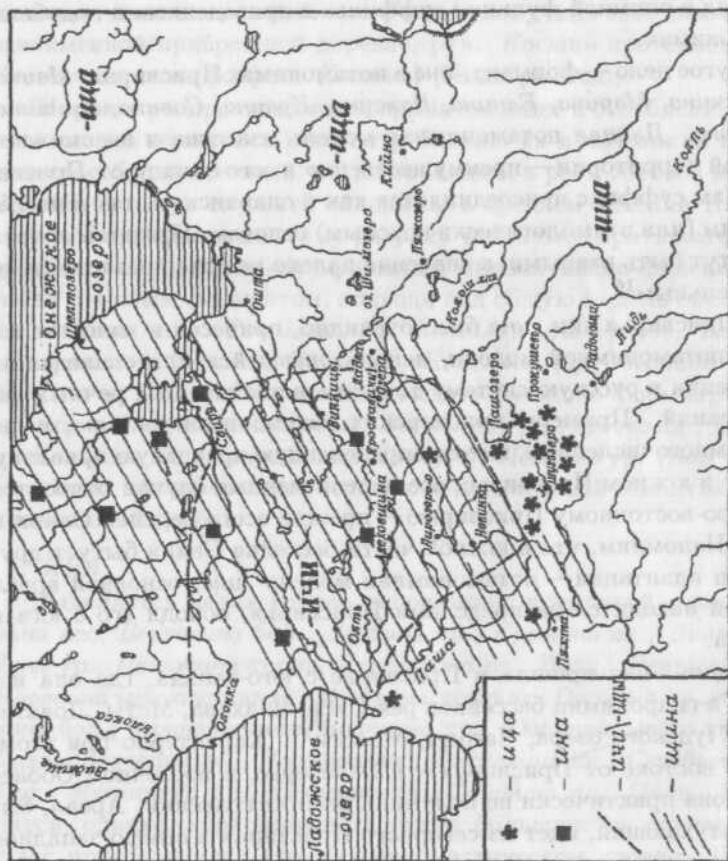
Другое дело — формант *-ина* в потамонимах Присвирья: *Ивина*, *Остречина*, *Марина*, *Елчина*, *Важина*, *Ирвина*, *Савина*, *Аштина*, *Шордина*. Данная потамонимная модель известна и на смежной русской территории — преимущественно к юго-западу от Присвирья. Там суффикс присоединяется как к славянским, так и неславянским (или этимологически неясным) основам. При этом истоки его могут быть разными, а значение далеко не исчерпывается притяжательным¹⁶.

В Присвирье тип *-ина* был, очевидно, принесен в качестве готовой потамонимной модели, использовавшейся для славизации, включения в русскую систему топонимов иноязычных речных наименований. Примеры присвирских потамонимов на *-ина*, в целом немногочисленные, имеют определенную ареальную привязку. Их нет в южном Присвирье, все перечисленные случаи относятся к северо-восточному Присвирью — прежде всего верхней Свири и Ояти. Напомним, что в южной части бассейна Свири бытует другой тип адаптации — потамонимная модель *-ица*, основной ареал которой находится за пределами Присвирья, обходя его с юга и востока.

Модель *-ина* пришла в Присвирье с юго-запада, где она известна в гидронимии бассейнов рек Сяси, Волхова, Мсты, Ловати, Луги, Чудского озера, Чагоды, Мологи¹⁷. Характерно при этом, что на востоке от Присвирья — в Белозерье, в восточном Обонежье — она практически не получила распространения. Ареал, быстро затухающий, идет из северного Присвирья в северо-западное Прионежье и северное Обонежье (р. *Лососинка*, *Неглинка*, *Чебинка*, *Немина*), где, соприкоснувшись с ареалом *-ица*, сходит на

¹⁶ Агеева Р. А. Указ. соч. С. 105; Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Указ. соч. С. 120.

¹⁷ Шанько Д. Ф. Указ. соч.

Распространение суффиксальных моделей в топонимии Присвирья.

нет. Очевидно, этот ареалотражает определенный срез русской колонизации севера.

-НЬ / -НЯ

Компактную группу составляют топонимы с финалью *-нь* — всего около двух десятков топонимов, преимущественно агроонимов: *Прислонь* пл., *Шершень* пл., *Бубень* ур. Тихв.; *Барыня* пк. Лод.; *Заблудня* пк., *Одойня* ур. Подп.; *Кукурня* пл. Прион. В наших материалах отразился всего один ойконим (*Гнильняд*. Лод.) и несколько гидронимов (озера *Горбунь*, *Костежня*, *Кирвезень*, *Пельчужень*, р. *Ожерезня* (вариант потамонима *Озеренжа* Лод.) данного типа. Анализируя гидронимы на *-нь/-ня* в Верхнем Поднепровье, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев склоняются к мысли об изначальном адъективном функционировании суффикса, хотя со временем он становится характерным топонимным показателем, а образованные с его помощью названия начинают восприниматься как существительные¹⁸. Адъективное происхождение улавливается в некоторых присвирских топонимах с финалью *-ня*: *Мошня* пк. Волх.; *Гложовня* ур., *Хвошня* о. Тихв.; *Гнильня* д. Лод. В то же время в целом ряде топонимов формант ведет себя как структурный элемент, приспособляющийся, адаптирующий иноязычное название к русскому языку: *Гумбарня* пк. Лод. (ср. прибалтийско-финское *humbar* 'стуга'), *Кирвезень* оз. Лод. (возможно, связано с *kirvez* 'топор' — основа, бытующая в прибалтийско-финских, особенно карельских лимнонимах), *Пельчужень* оз. Лод. (ср. в верховьях р. Ояты оз. *Pölc* ~ *Pölcuine*, с основой *Pölcuž-*).

Эта топонимная модель хорошо известна в восточнославянской и собственно русской топонимии. Ее ядро располагается в юго-западной зоне восточных славян — Украинском и Белорусском Полесье. Присвирье — далекая окраина ареала. При этом топонимы на *-нь/-ня* сосредоточены в западной части Присвирья, в границах Ладого-Тихвинской диалектной зоны, сформировавшейся в результате относительно раннего и активного русского освоения. В целом материал Присвирья подтверждает наблюдения З. В. Рубцовой о малой продуктивности форманта за границами русских княжеств XII в.¹⁹

¹⁸Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Указ. соч. С. 116.

¹⁹Рубцова З. В. Топонимическая финаль *-нь* на восточнославянской территории (синхронное состояние) // Перспективы развития славянской ономастики / Отв. ред. А. В. Суперанская. М., 1980. С. 139.

Одну из самых многочисленных групп суффиксальных топонимов образуют названия-прилагательные на -ск- (-ская, -ский, -ское). Они равномерно распределены по всей территории Присвирья и представляют в массе своей вторичные образования: *Ашперловские горы* < *Ашперлово* д., *Батаговские пожни* < *Батагово* д., *Боровинская тропа* < *Боровина* ур., *Майские пожни* < *Майга* р., *Мегруйский мох* < *Мегруй* руч., *Саньковский мох* < *Саньково* д., *Сюрьянская гора* < *Сюрья* ур. Волх.

Многочисленны также топонимы, восходящие к антропонимам на -ич-, -ов/-ев: *Богдановская Лядина* лес < фам. *Богданов*, *Бушковская поляна* < фам. *Бушков*, *Громовский Конец* дер. < фам. *Громов* Тихв.

В целом ряде случаев образования на -ск- выступают в качестве вторичных вариантов существующих топонимов: *Гагарин мох* = *Гагаринский мох*, *Студенец* пор. = *Студенский порог* Волх.; *Афонин Гороб* пк. = *Афонинский Гороб* пк. Тихв.; *Маяксарь* о. = *Маяксарский остров* Лод.

Перечисленные свойства указывают на то, что для Присвирья топонимы на -ск—достаточно поздние, вторичные, часто неустоявшиеся, окказиональные образования, не несущие существенной этноисторической информации.

Остальные суффиксальные модели не играют в топонимии Присвирья существенной роли. Известные в русской ойконимии названия поселений на -ата представлены здесь единственным примером *Малашата* Волх. В большинстве топонимов с финалью -ище (*Гнилице*, *Усадище*, *Льнице*, *Мочалище*) и -ник/-няк (*Березняк*, *Пенняк*, *Клочняк*) суффикс относится к доонимной стадии словообразования, т. е. на деле в топонимообразовании участвуют суффиксально оформленные апеллятивы.

Карта распространения суффиксальных моделей в топонимии Присвирья (см. карту на с. 88) наглядно свидетельствует о неоднородности этой территории. Во-первых, намечается противопоставление запада (юго-запада) и востока (северо-востока) региона, проявляющееся в обилии суффиксальной топонимии в юго-западном Присвирье и скудости ее на северо-восточной периферии бассейна. Во-вторых, по целому ряду признаков Паша противопоставляет Ояти и собственно Свири (ср. гидронимная модель -ица на Паше и -ина в северной части Присвирья, отсутствие топонимов

с суффиксом -щина на верхней Паше, продуктивность ойконимной модели -ичи/-ицы на Ояти, Капше и Свири при отсутствии ее на Паше). Намечающиеся по топонимическим свидетельствам границы в целом совпадают с диалектными, разделяющими Присвирье на две диалектные зоны — Онежскую и Ладого-Тихвинскую, в которой, в свою очередь, выделяется два микроареала: с одной стороны, Паша, с другой — Оять и Свирь²⁰. На территории Ладого-Тихвинской зоны в соответствии с русской топонимной моделью суффиксация оказывается основным способом образования топонимов. Однако по мере продвижения на восток растет удельный вес сложных названий, являющихся результатом калькирования прибалтийско-финских оригиналов (*Кие/ручей*, *Кие/наволок*, *Кие/острое*). В северо-восточном Присвирье, на территории онежских говоров калькирование с образованием сложных топонимов соперничает с суффиксацией, иногда выдвигаясь и на первые роли. Здесь полностью отсутствуют суффиксальные модели, маркирующие древнерусскую топонимическую систему (-гость/-гошь, -ичи/-ицы). За этим стоят, видимо, разные этапы русского освоения севера. Юго-западное Присвирье, отличающееся большей переработкой прибалтийско-финского пласта топонимов и характерными русскими топонимными моделями, вошло в сферу русского языкового воздействия раньше, чем северо-восточное. Отличался и сам характер прибалтийско-финско-русских контактов на разных участках Присвирья. В то время как на западе ареала, особенно в районе Паши, ощущаются следы определенного господства русской языковой среды, восточное Присвирье развивалось в условиях прибалтийско-финско-русского двуязычия, постепенного обрусения местного прибалтийско-финского населения, продолжающегося и по сей день. Паша — самый «русский» район Присвирья — и в силу вхождения в языковой регион Поволховья, и как следствие языковых импульсов с юга и юго-востока из Белозерья.

²⁰ Герд А. С. 1) К истории образования говоров Присвирья // Севернорусские говоры / Отв. ред. А. С. Герд. Л., 1984. Вып. 4. С. 134–180; 2) К исторической географии Приладожья. С. 32–33.